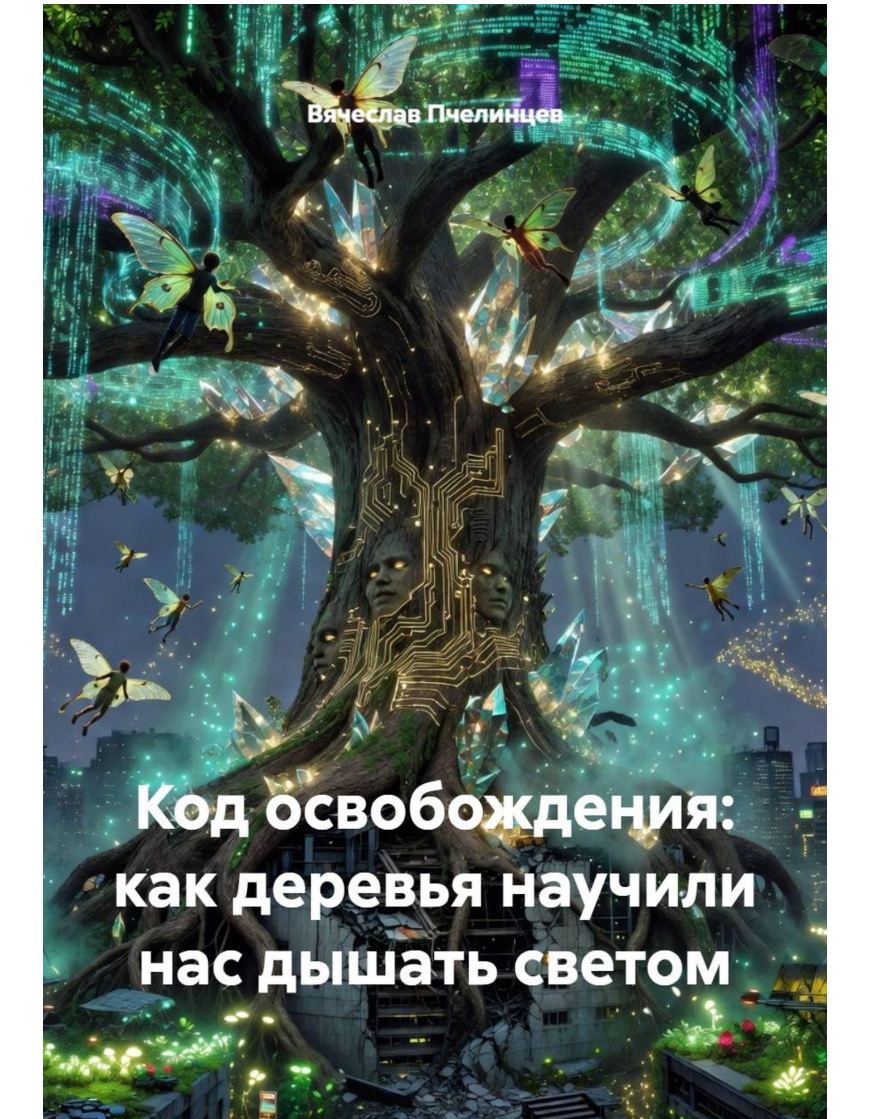

A vibrant, futuristic illustration. A massive, ancient tree stands as the central element, its trunk and branches intricately woven with glowing golden circuitry. Embedded within the bark are several faces with glowing yellow eyes. The tree is surrounded by numerous small, winged figures with translucent wings, some appearing to fly and others to be part of the digital environment. The background is a dark, starry space filled with cascading streams of green and blue digital code, reminiscent of the 'Matrix' effect. The overall atmosphere is one of digital magic and liberation.

Вячеслав Пчелинцев

**Код освобождения:
как деревья научили
нас дышать светом**

Вячеслав Пчелинцев

Код освобождения: как деревья научили нас дышать светом

<https://litres.ru/74516254>

SelfPub; 2026

Аннотация

2123 год. Корпорация NeuroSphere чипирует человечество, стирая способность слышать Землю.

Когда девятилетняя Лина умирает от «синдрома отказа чипа», её отец Кай понимает: дочь убили не за болезнь, а за дар — способность разговаривать с деревьями. В подпольном архиве он встречает Зою, хакера с биопротезом из мицелия, и Айлу, последнюю хранительницу кристаллов Атлантов.

Вместе они начинают войну за право дышать.

Через мёртвые зоны, где когда-то шумели леса, через лаборатории, где выращивают рабов, через битву за сердце океана — трое бунтарей несут семя правды. Но цена свободы страшна: чтобы вырастить новый мир, нужно стать почвой.

«Код Освобождения» — это соларпанк-эпопея о том, как деревья научили нас дышать светом. Роман о памяти Земли, силе страха как почвы для роста и о том, что мы — не владельцы планеты, а её органы.

Вячеслав Пчелинцев

Код освобождения: как деревья научили нас дышать светом

**КОД ОСВОБОЖДЕНИЯ: КАК ДЕРЕВЬЯ НАУЧИЛИ
НАС ДЫШАТЬ СВЕТОМ**

ПРОЛОГ. ЦЕНА ПРОГРЕССА

Нью-Амстердам, 2123 год. Небоскрёб Эдем-7, церемония запуска чипов второго поколения.

Воздух в зале был густым от аромата синтетической лаванды. Дроны-распылители жужжали над головами, словно механические пчёлы, и их работа казалась Айле почти ритуальной. Лаванда должна была заглушить запах гари, который пробивался сквозь вентиляцию с нижних уровней города. Там, за стенами Эдема-7, горели трущобы. Но здесь, в зале, всё было стерильно. Серебристые комбинезоны, голограммы на лицах, улыбки, синхронизированные до миллиметра.

Айла Вейл стояла в последнем ряду, прижавшись спиной к холодной колонне. Металл был ледяным, но она не двигалась — боялась, что если пошевелится, кто-нибудь заметит, как дрожат её руки. Ей было двадцать восемь. Нейроинженер. Девушка с нелепой человеческой привычкой грызть карандаши, когда думает. И с фиолетовым огоньком в виске — цветом неустойчивого мышления.

На сцене, под гигантским логотипом NeuroSphere — змея, пожирающая собственный хвост, — стоял канцлер Хартманн. Его чип сиял золотом. Не просто светился — сиял, как маленькое солнце, прикреплённое к виску человека, который верил, что стал богом.

— Сегодня мы станем богами! — его голос резал тишину, как нож. Эхо разносилось под куполом, и Айле казалось, что каждое слово падает на неё, как капля расплавленного свинца. — Чипы второго поколения избавят вас от боли, страха, сомнений! Вы будете совершенны!

Толпа заплодировала. Звук был ровным, почти механическим — как будто все двенадцать тысяч человек в зале хлопали в одном ритме. Айла не двигалась.

В кармане она сжимала осколок синего кристалла. Тёплый. Живой. Как будто помнил руки бабушки.

Они превратят вас в батарейки, — шептала Юмико перед смертью, лёжа в больничной палате, где стены были увешаны рекламой NeuroSphere. — Но кристаллы... они ключи от клетки.

Айла закрыла глаза. В памяти всплыло лицо бабушки — седые волосы, заплетённые в косу до пояса, и глаза, которые видели сквозь бетон прямо в сердце Гайи. Юмико Вейл. Биофизик-революционер. Террористка, по версии NeuroSphere. Первая, кто расшифровал кристаллы Атлантов и написала Письма о симфонии Земли — трактаты о том, что человечество не вид, а орган планеты.

Её стёрли из истории. Объявили сумасшедшей. А потом — убили.

Но она успела. Успела вшить свои исследования в ДНК кристаллов. Успела передать ключ внучке.

На экране возникла голограмма ребёнка, тянущего руку к игрушке. Текст крупными буквами: Хотите гения? Вживите чип в утробе! Скидка 30% до конца дня!

Айла почувствовала, как внутри поднимается что-то тяжёлое, горячее, знакомое. Не гнев. Гнев был слишком про-

стым. Это было узнавание. Она видела этот механизм каждый день своей жизни — с тех пор, как начала понимать, что происходит.

Деньги. Кредиты. Фьючерсы на воду и еду. Плановое устаревание техники, которая ломалась через два года. Реклама, шепчущая: Ты недостаточен. Купи. Вживи. Усовершенствуйся.

Юмико называла это квантовыми узлами. Механизмами, которые перехватывают человеческую энергию — восемьдесят процентов жизненной силы уходит на работу, чтобы оплатить искусственные потребности. Кредиты. Мода. Статус. Страх. Энергия страдания становилась топливом для системы.

Капитализм. Социализм. Не важно, как называлась экономика. Важно, что обе модели были искусственными конструкциями, созданными для концентрации власти и ресурсов в руках тех, кого бабушка называла Кастой Хранителей Дефицита. Теневое правительство, контролирующее центральные банки, СМИ, фармацевтику. Они продвигали культуру потребления, чтобы блокировать развитие внутренней энергии — медитации, телепатии, целительства. Все-му тому, что делает человека человеком.

Айла шагнула вперёд. Нога подкосилась — она споткнулась о чьё-то кресло.

— Отключите это, — её голос прозвучал тише, чем она хотела. Но в этой тишине было больше ярости, чем в любом крике.

Рядом обернулся коллега Марк. Его лицо было гладким, как у пластикового манекена — чип уже начал работать, стирая микромимику, делая его идеальным потребителем.

— Нельзя, — он показал на свой висок, где золотой огонёк пульсировал в такт словам Хартманна. — Пункт 14 контракта: критика прогресса — увольнение. А потом... — он не договорил, но его взгляд скользнул по фиолетовому свечению на виске Айлы.

Она знала, что будет потом. Калибровка. Промывка. Возвращение в строй. Или хуже — утилизация.

— Прогресс? — Айла не могла остановиться. Слова вырывались, как вода из прорвавшейся плотины. — Вы называете это прогрессом? Это расщепление! Они создали Касту Хранителей Дефицита — теневое правительство, которое контролирует центральные банки, СМИ, фармацевтику. Чипы — это не технология, Марк. Это инструмент подавле-

ния энергетической автономии человека!

Марк отшатнулся. Его глаза расширились — не от понимания, а от страха. Фиолетовый огонёк на виске Айлы вспыхнул ярче, и где-то в глубине зала зажёгся красный индикатор. Система заметила.

— Вы... вы не в себе, — прошептал Марк и отступил.

Айла посмотрела на свои руки. Дрожат. Не от страха. От ясности.

Она вспомнила, как Юмико говорила ей, маленькой девочке, сидя на кухне их квартиры в старом квартале: Капитализм и социализм — две стороны одной медали, внучка. Обе системы созданы, чтобы убедить нас: жизнь — это валюта. Но жизнь — не валюта. Жизнь — это энергия, которая должна течь свободно. Когда ты покупаешь воду — ты покупаешь то, что должно быть твоим по праву рождения. Когда ты платишь за воздух — ты платишь за собственное дыхание. Это не экономика. Это рабство.

Тогда Айла не понимала. Теперь — понимала слишком хорошо.

На экране голограмма ребёнка сменилась новой — мла-

денец в стерильном боксе, к его крошечному виску уже прикрепили чип размером с рисовое зерно. Голос диктора бубнил: Обязательная чипизация с нуля месяцев — гарантия здоровья и безопасности вашего ребёнка.

Айла сжала кристалл так, что острый край впился в ладонь. Капля крови упала на пол.

Внезапно свет погас.

Толпа ахнула — двенадцать тысяч голосов, слившихся в один короткий звук удивления. В небе за стеклянным куполом ударили зелёные молнии — не от грозы, а от взрывов. Где-то далеко, в нижних уровнях города, кто-то поджёг генераторы.

Айла слышала смех — хриплый, живой, не похожий на синтетические улыбки вокруг.

За её спиной стоял мужчина. Рваный плащ, лицо в саже. На виске — шрам. Не чип. Шрам. Воронка, где когда-то было устройство, а теперь — только память о нём.

— Красиво, да? — он кивнул на хаос за окном. — Они боятся настоящего света.

Айла обернулась. Охрана уже пробиралась через толпу,

их золотые чипы горели, как маяки в тумане.

— Кто ты? — прошептала она.

— Кай. — Он достал из кармана что-то маленькое, металлическое. Флешку. — Бывший король биржи. Ныне — призрак системы.

Айла посмотрела на него. На шрам вместо чипа. На руки, которые дрожали так же, как её собственные. На глаза, в которых горела та самая ярость, что она видела в зеркале каждое утро.

Он был одним из них. Из тех, кто торговал энергией, не зная, что это энергия жизни. Из тех, кто подписывал контракты на фьючерсы воды, не понимая, что продаёт чьё-то дыхание. А потом — вырвал чип. И услышал.

— Найди Айлу Вейл, — сказал он. — Скажи ей: бабушка была права.

Айла замерла.

— Я...

— Ты и есть Айла, — он усмехнулся. В его усмешке не

было радости — только усталость человека, который слишком долго бежал. — Фиолетовый чип — плохая маскировка.

Сирены взвыли. Охрана ускорила шаг.

Кай толкнул её к служебному выходу.

— Беги. Пока они не поняли, что ты не батарейка.

Айла побежала. В руке она сжимала флешку и кристалл. За спиной рушился мир — тот самый мир, где жизнь была валютой, где страх продавался в рассрочку, где дети рождались с чипами вместо права дышать.

Впереди — неизвестность.

Но впервые за годы она чувствовала: она дышит. Не воздухом, который нужно покупать. Не свободой, которую нужно заслужить. А по-настоящему. Так, как учила её бабушка.

Она бежала по коридорам Эдема-7, и в ушах звучал голос Юмико:

Страх — это не стена, внучка. Это почва. Из неё растут самые сильные деревья.

И где-то в глубине, под бетоном и сталью, под смогом и чипами, она почувствовала — едва уловимо, но отчётливо — пульс.

Пульс Гайи.

Живой. Упрямый. Ждущий.

ГЛАВА 1. ЗАКОН ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Нью-Амстердам, 2123 год. Через год после смерти Лины.

Банк Памяти

Подвал пах сыростью, старой электроникой и чем-то ещё — запахом, который Кай не мог назвать, но который напоминал ему о больничных коридорах. О том дне, когда Лина перестала дышать.

Он сидел перед голограммой, не мигая. Глаза горели — красные, сухие, как после трёх дней без сна. На столе, заваленном пустыми стаканами из-под синтетического кофе, лежал рисунок. Карандашный, детский. Дерево с глазами.

Лина нарисовала его за день до смерти.

— Папа, дуб плачет, — сказала она тогда, прижавшись к его плечу. Её волосы пахли шампунем с запахом яблок — тем самым, который она выпрашивала в магазине каждую неделю. — Его корни режут трубами.

Кай тогда отмахнулся. Фантазии, — подумал он. — Стресс в школе. Надо поговорить с учителем.

Он даже не посмотрел ей в глаза.

Теперь он смотрел на рисунок и понимал: она не фантазировала. Она видела.

Голограмма ожила с тихим щелчком. Лина, восемь лет, бежала по полю. Солнце бликовало в её волосах, и на миг Каю показалось, что он чувствует запах скошенной травы — тот самый, что был на старой видеозаписи с их последнего пикника.

— Папа, дуб говорит! Он просит спасти его корни!

Потом — статика. Белый шум. И тишина, которая длилась год.

Кай сжал кулак. Ногти впились в ладонь, и он почувство-

вал, как под кожей что-то шевелится — не боль, а что-то другое. Что-то, что он не мог назвать с тех пор, как вырвал чип.

Это не галлюцинации, — подумал он, глядя на шрам на виске. Воронка от вырванного чипа всё ещё ныла, особенно по ночам, когда город затихал и он оставался наедине с тишиной, в которой слышал... что? Шёпот? Гул? Пульс?

Он не знал. И боялся узнать.

Воспоминание: Биржа

Его мысли потекли назад — на три года раньше, в офис на сорок втором этаже башни NeuroSphere. Он стоял у панорамного окна, в руках — стакан виски за две тысячи кредитов. Внизу, в каньонах мегаполиса, мчались электрокары с тонированными стёклами. Люди в серебристых комбинезонах спешили на работу, чтобы заработать кредиты на воду, на еду, на воздух.

— Фьючерсы на воду выросли на триста процентов, — доложил его ассистент, не отрываясь от терминала. — Еда — на двести пятьдесят. Можно продавать.

Кай кивнул. Он знал, что делает. Он знал, что под городом — океаны пресной воды. Что в лабораториях выращи-

вают мясо из клеток, не убивая животных. Что фермеры в провинции собирают урожаи, которых хватило бы на всех.

Но система требовала дефицита. Искусственного. Созданного, чтобы цены росли. Чтобы люди работали больше. Чтобы энергия — их жизненная сила, их время, их мечты — перетекала в карманы тех, кто стоял над системой.

Он подписывал контракты. Зарабатывал кредиты. Покупал Лине пластиковые игрушки, потому что настоящих уже не существовало — их заменили голограммы, которые стоили дешевле и не ломались.

Однажды Лина спросила: Папа, а почему мы платим за воду? Разве она не наша?

Он тогда не знал, что ответить. Теперь — знал.

Потому что вода — это не товар. Это право. Как дыхание. Как солнечный свет. Но система убедила их, что за всё нужно платить. Что жизнь — это валюта. Что они должны заслужить право дышать.

Кай закрыл глаза. В памяти всплыло лицо Лины — смеющееся, с растрёпанными волосами, бегущее по полю. Она не понимала системы. Она понимала деревья. Камни. Воду.

Она слышала их — и это было её преступлением.

Он закрыл глаза. В памяти всплыло лицо Лины — не голограмма, а настоящая. Та, что была три года назад.

Ей было семь. Она сидела на кухне, болтала ногами, которые не доставали до пола. Перед ней — стакан воды. Обычной, из-под крана.

— Папа, — она подняла голову, её глаза были серьёзными, как у взрослого. — А почему мы платим за воду? Разве она не наша?

Кай замер. Он держал в руках бутылку дорогого вина — за триста кредитов, привезённого из Франции, где когда-то росли виноградники. Теперь там — мёртвая зона.

— Потому что так устроен мир, малышка, — он налил себе бокал. — Вода — это ресурс. А ресурсы стоят денег.

— Но она же просто течёт из крана, — Лина нахмурилась. — Как воздух. Мы же не платим за воздух.

— Ещё как платим, — Кай усмехнулся, но усмешка была горькой. — Через налоги. Через кредиты. Через всё.

Лина помолчала. Потом сказала что-то, что он тогда не

понял. А понял только сейчас, стоя в подвале «Банка Памяти», глядя на рисунок дерева с глазами.

— Папа, а вода... она живая?

— Что? — он не понял.

— Ну... она же течёт. Как кровь. Значит, она живая.

Он тогда отмахнулся. «Фантазии», — подумал. «Стресс в школе. Надо поговорить с учителем».

А она... она слышала. По-настоящему. Она чувствовала, что вода — это не ресурс. Это... кто-то. Как дуб. Как камни. Как Земля.

И он называл это фантазиями.

Кай открыл глаза. В подвале «Банка Памяти» было темно. Только голограмма Лины мерцала на столе — она бежала по полю, смеялась, не зная, что через год её не станет.

— Прости, малышка, — прошептал он. — Я не слышал. Но теперь... теперь я слышу.
Встреча с Зоей

Дверь скрипнула.

Кай обернулся так резко, что стул упал. В проёме стояла девушка. Розовые дреды, биопротез на руке — странный, живой, похожий на сплетение корней и проводов. Протез тихо потрескивал, как дерево на ветру.

— Ты Кай Реннер, — сказала она. Не вопрос.

— А ты? — его голос прозвучал хрипло. Он откашлялся.
— Как ты нашла это место?

— Зоя. — Она шагнула внутрь. Протез оставил на полу светящийся след. — Твоя дочь была не первой. И не последней.

Кай вскочил. Сердце колотилось так, что казалось — девушка слышит.

— Что ты знаешь? — он схватил её за руку. Протез был тёплым, живым — как будто под металлом билось сердце.

Зоя посмотрела на рисунок. Её глаза — зелёные, как листья после дождя — сузились.

— Что она слышала Землю. И что за это её убили.

Кай отпустил её руку. Мир качнулся. Он схватился за стол, чтобы не упасть.

— Кто? — прошептал он.

— Те, кто боится, что мы вспомним. — Зоя достала флешку. — NeuroSphere. Они вшивают в чипы ген, который глушит связь с Гайей. Твоя дочь родилась без него. Для них она была... вирусом.

Кай сглотнул. Горло пересохло.

— Лина... она чувствовала каждое дерево. Каждый камень. А я... — голос сорвался. — Я называл это фантазиями.

Он отвернулся, не в силах смотреть на голограмму. На лицо дочери, которое всё ещё бежало по полю, не зная, что через год его не станет.

— Ты не виноват, — Зоя положила руку ему на плечо. Протез был тёплым, живым. — Они научили нас не верить своим глазам. Своим ушам. Своим сердцам.

Зоя щёлкнула пальцами, и голограмма над столом ожила, показав схему — мозг, опутанный синими нитями, и чёрную

дыру в центре.

— Знаешь, кто такой Карл Юнг? — она не дождалась ответа. — Швейцарский психиатр, начало двадцатого века. Он придумал коллективное бессознательное.

— Это что-то из Фрейда? — Кай нахмурился.

— Хуже, — Зоя усмехнулась. — Юнг верил, что у всего человечества есть общая память. Как библиотека, куда записываются сны, страхи, архетипы. Когда ты видишь дракона во сне — это не твоя фантазия. Это память предков, которые боялись змей.

Она провела пальцем по спирали ДНК, и та засветилась ярче.

— А теперь представь: эта библиотека — не в голове. Она в ДНК. В частоте Шумана. В корнях деревьев. Лина не просто слышала дуб. Она подключалась к этой библиотеке. К памяти Земли.

Кай сжал кулак. Ногти впились в ладонь.

— Значит, они убили не просто ребёнка, — его голос дрогнул. — Они убили... переводчика.

— Хуже, — Зоя посмотрела ему в глаза. — Они боятся, что таких переводчиков станет слишком много. Что мы вспомним, кем были до чипов. До страха. До NeuroSphere.

Она подошла к терминалу, вставила флешку. Экран ожил — карта города с метками, где система прятала чипированные улы.

— Чипы работают на частоте семь герц — тревога, десять герц — жадность. Искусственные ритмы. — Она ткнула в чёрную дыру на схеме. — А Земля вещает на семь целых восемьдесят три герца. Резонанс Шумана. Твой мозг, если не забит чипом, синхронизируется с ним. Как радио.

Кай вскочил. Его рука дрожала.

— То есть мы...

— Не люди. Инкубаторы. Выращиваем рабов для системы. — Зоя бросила на стол флешку с файлами. — NeuroSphere заглушает этот сигнал, потому что если люди услышат, что Земля живая — они зададут вопросы. Например: почему мы платим за воду, если под нами океаны? Или: куда делись машины Теслы, которые питались от эфира?

На экране замелькали видео: дети в лабораториях, с датчиками на висках. Надпись: Проект Лотос. Удаление гена SLC-24A5. Этап завершён.

— Это ДНК-редакторы, — Зоя увеличила фрагмент почки. — Они вырезают участки, отвечающие за... назовём это дикой интуицией. Способность чувствовать магнитные поля, видеть ауры растений, слышать песни воды. Лина родилась с нетронутой ДНК. Для системы она была ошибкой. Вирусом.

Кай коснулся голограммы. Лицо Лины, смеющееся на пляже, накрыла красная метка Утилизировать.

— Но зачем?! — его голос сорвался в крик. — Даже если мы услышим Землю...

— Потому что Земля не молчит, — Зоя вырубил голограмму. В темноте засветились её глаза — зелёные, как листья после дождя. — Она кричит. Через ураганы, землетрясения, цветение ядовитых цветов. И те, кто слышат, становятся... проводниками. Как Айла с её кристаллами. Как ты.

— Как я?

— Ты же чувствуешь, да? — она ткнула ему в грудь. — С

тех пор как вырвал чип. Земля говорит с тобой через боль. Ты просто боишься включить звук.

Момент осознания

Кай закрыл глаза. В темноте вспыхнули голограммы:

Он сам, подписывающий контракты на фьючерсы воды.

Лина, спрашивающая: Папа, а почему мы платим за воду?

Его ответ: Потому что так устроен мир, малышка.

Но это была ложь. Мир не был таким. Мир был живым. Мир дышал. А они... они заставили его замолчать. Ради кредитов. Ради статуса. Ради страха.

— Я был частью этого, — прошептал он. — Я торговал энергией, не зная, что это энергия жизни.

Зоя кивнула.

— Теперь ты знаешь. И можешь выбрать: продолжать быть батареей... или стать проводником.

Кай открыл глаза. В них горело что-то новое. Не горе.

Ярость. Но не слепая — осознанная.

— Как мне их остановить?

Зоя усмехнулась. Впервые за вечер.

— Для начала — перестать спрашивать как. И начать делать.

Она протянула ему флешку.

— Здесь всё. Имена. Адреса. Частоты. И одна женщина, которая может помочь.

— Кто?

— Айла Вейл. Она взломала их код.

Кай сжал флешку. Металл был холодным, но в пальцах разлилось тепло.

— Где её найти?

— Она найдёт тебя сама. — Зоя повернулась к двери. — Если ты достаточно зол.

И исчезла в темноте.

Кай остался один. Голограмма Лины всё ещё бежала по полю. Дерево с глазами смотрело на него.

— Я услышу тебя, малышка, — прошептал он. — Клянись.

Он сжал рисунок так, что бумага хрустнула. Потом достал нож — старый, с гравировкой на лезвии: Лине. От папы. С любовью.

И вышел в ночь.

Дорога к Айле

Город ночью был другим. Не таким стерильным, как днём, когда дроны распыляли синтетическую лаванду, чтобы заглушить запах гари. Сейчас, в три часа ночи, он пах настоящим — сыростью, ржавчиной, озоном от перегоревших трансформаторов.

Кай шёл по крышам, избегая главных улиц. Его ноги, обутые в старые ботинки с подмётками из переработанных шин, бесшумно ступали по бетону. Когда-то он носил костюмы за пять тысяч кредитов. Теперь — рваный плащ и нож за поя-

сом.

Он не чувствовал разницы.

Под ним, в переулках, мелькали тени — бездомные, беглецы, те, кто вырвал чипы и теперь прятался от дронов-скорионов. Кай видел, как один из них — старик с седой бородой — прижимался к стене, когда над ним пролетал патрульный дрон. Старик шептал что-то, и Кай, прислушавшись, понял: это была молитва. Не Богу. Земле.

Она всё ещё здесь, — подумал Кай, глядя на трещину в асфальте, из которой пробивался одуванчик. Светился. Слабо, но светился.

Он вспомнил Лину. Как она однажды нашла такой же одуванчик в парке — единственный живой цветок в зоне, где всё было из биопластика. Она плакала от счастья.

Папа, он настоящий! Он дышит!

А Кай тогда сказал: Не трогай. Может быть ядовитым.

Он остановился на краю крыши. Внизу, в квартале трущоб, мерцал фиолетовый свет — единственное окно во всём доме.

Это она, — понял Кай.

Он спрыгнул на пожарную лестницу, потом на землю. Ноги утопали в луже — вода была чёрной, с радужными разводами нефтепродуктов. Но он не чувствовал отвращения. Только решимость.

Дверь в подъезд была выбита. Лестница — в трещинах. На стенах — граффити: NeuroSphere = смерть. И рядом, мелким почерком: Но мы всё ещё дышим.

Кай поднялся на третий этаж. Дверь была приоткрыта. Из-за неё доносился звук — тихий, ритмичный. Как будто кто-то стучал по клавиатуре. Или молился.

Он толкнул дверь.

Квартира-капсула Айлы

Комната была маленькой — не больше десяти квадратных метров. Стены, покрытые голограммами, мерцали, как испорченная кинолента. На столе — терминал, заваленный чипами, проводами, осколками кристаллов. В углу — кровать, застеленная одеялом из переработанных пластиковых бутылок.

Айла сидела перед терминалом, вводя код за кодом. Её пальцы дрожали. На столе лежал дневник — потёртая обложка, золотые буквы: Юмико Вейл. 2075–2115.

Она не обернулась, когда Кай вошёл.

— Чип предлагал улучшения: Сделай кожу блестящей! Убери морщины страха! — её голос был глухим, как будто она говорила сама с собой. — Я нажала отмена, и голограмма лица исказилась, показав реальность: синяки под глазами, трещины на губах от нервных прикусываний.

Кай остановился в дверях. Он не знал, что сказать.

— Вы... Айла Вейл? — наконец выдавил он.

Она обернулась. Её глаза, обычно холодные и расчётливые, горели. Не гневом — чем-то глубже. Отчаянием, которое клокотало, как магма под тонкой корой.

— А ты кто?

— Кай. Зоя сказала, вы взломали их код.

Айла прищурилась. Фиолетовый чип в её виске пульсиро-

вал — предупреждение.

— Зоя жива?

— Пока. — Он шагнул внутрь. — Она сказала, вы знаете правду о чипах.

Айла молчала. Смотрела на него — на шрам вместо чипа, на дрожащие руки, на глаза, в которых горела та самая ярость, что она видела в зеркале каждое утро.

— Какую правду? — её голос был холодным, как лёд.

Кай достал рисунок. Развернул его.

— Они убили мою дочь. Потому что она слышала Землю.

Айла взяла рисунок. Пальцы дрожали. Дерево с глазами — она видела такие в дневнике бабушки.

— Лина... — прошептал Кай. — Ей было девять. Она говорила с дубами. С камнями. А я... я называл это фантазиями.

Айла подняла голову. В её глазах стояли слёзы, но она не плакала.

— Они вырезают эту способность на генном уровне, — её голос дрогнул. — Чтобы мы забыли, что значит дышать.

Она подошла к окну. За стеклом, в дыму мегаполиса, мерцали огни рекламных голограмм: NeuroSphere — ваш мост в будущее!

— Моя бабушка пыталась их остановить, — Айла повернулась к Каю. — Она расшифровала кристаллы Атлантов. Доказала, что Земля живая. Что мы — не владельцы, а органы планеты.

— И что случилось?

— Они стёрли её имя из истории. Объявили террористкой. А потом... — Айла сжала кулак. — Убили.

Кай молчал. Смотрел на рисунок Лины.

— Есть способ их остановить? — наконец спросил он.

Айла подошла к терминалу. Вставила флешку Зои. Экран ожил — карта горы с двойной вершиной, увенчанной звездой.

— Серро-де-ла-Эстрелла, — она провела пальцем по голограмме. — Гора Звезды. Там лаборатория NeuroSphere. Бабушка писала, что там рождаются и умирают боги.

— Боги? — Кай фыркнул.

— Кристаллы. Они используют их не для энергии — для переписывания реальности. — Айла сжала кулак, и голограмма взорвалась кадрами: люди в камерах, прикованные к аппаратам, которые вживляли им осколки кристаллов прямо в позвоночник. — Они создают гибридов. Существ, которые смогут управлять Гайей, а не слушать её.

Кай отвернулся. Образы преследовали его, как кошмар.

— Почему Гора?

— Потому что там тонкое место, — голос Айлы стал глухим. — Земная кора тоньше. Магма ближе. И частоты Шумана там... громче. Как будто сама Гайя кричит через рану.

Она посмотрела на Кая. В её глазах отражалась карта горы, как целеуказатель.

— Они усиливают кристаллы этой энергией, чтобы перекодировать ДНК. Если мы не остановим их... они создадут

расу рабов, которые даже не вспомнят, что когда-то были людьми.

Кай поднял осколок синего камня, который Айла бросила на стол. В его руке кристалл засветился глубже, как будто отвечая на шрамы вместо чипа.

— И что, этот камушек спасёт мир? — он язвительно щёлкнул ногтем по грани.

Айла резко вырвала кристалл. Свет бился в её ладони, как пойманная молния.

— Они не батарейки, Кай. Они... проводники. Как радио-антенны, но для души.

— Для души? — Кай засмеялся, но смех звучал как стук костяшек домино. — У NeuroSphere вырезали души ещё нашим дедам.

— А ты думаешь, почему они боятся этих камушков? — Айла ткнула кристаллом в голограмму чипа. Изображение взорвалось статикой. — Они передают сигнал, который нельзя заглушить. Не частоту. Чувство.

Кай прислонился к стене, вдруг ослабев. Его пальцы на-

щупали шрам на виске — воронку от вырванного чипа.

— Лина... она чувствовала. Каждое дерево, каждый камень. А я называл это фантазиями. — Он сжал кулак, и кристалл в руке Айлы ответил горьким сиянием. — Так что давайте вашу магию. Мне нечего терять, кроме её памяти.

Айла медленно разжала ладонь. Камень пульсировал, отражаясь в её глазах двойными звёздами.

— Это не магия. Это физика, — она провела пальцем по трещине в кристалле. — Земля — гигантский кристалл. Мы — её щель, через которую свет пробивается наружу. Чипы пытаются замазать эту щель страхом. А мы...

— ...расширяем, — Кай закончил за неё. Его голос дрогнул. — Даже если нас разорвёт на части.

Они замолчали. Голограмма Лины на столе мерцала, превращаясь в дерево.

Кай развернул нож, лезвие блеснуло.

— Значит, сожжём и гору, — он сунул нож в ножны. — И лабораторию. И всё, что останется от них.

Айла улыбнулась впервые за этот вечер. Её улыбка напоминала трещину в леднике — холодную и необратимую.

— Тогда собирайся. Мы отправляемся на встречу с богами.

Ночь перед дорогой

Они сидели на полу, прислонившись к стенам. Между ними — карта горы, флешка с данными, осколок кристалла.

— Ты уверен? — Айла смотрела на него. — Это самоубийство.

— Я уверен, — Кай сжал кулак. — Что если не пойду — я умру раньше. Медленно. По кусочкам. Каждый день, просыпаясь и понимая, что Лины нет. Что я не спас её. Что я даже не слышал её.

Айла кивнула.

— Я понимаю.

Они молчали. За окном, вдалеке, выла сирена. Где-то падали дроны.

— Знаешь, что самое страшное? — Айла повернулась к нему. — Не то, что мы можем умереть. А то, что мы можем не успеть. Что пока мы идём к Горе, они убьют ещё тысячи таких, как Лина. Детей, которые слышат. Которые видят. Которые помнят.

Кай посмотрел на неё. Впервые за вечер он увидел не холодную хакершу, а человека. Испуганного. Отчаянного. Живого.

— Тогда не будем терять время, — он встал. — Когда выходим?

Айла тоже поднялась.

— На рассвете. Пока дроны спят.

Она подошла к окну. За стеклом, в дыму мегаполиса, мерцали огни рекламных голограмм: NeuroSphere — ваш мост в будущее!

— Знаешь, — она не обернулась. — Бабушка говорила: Страх — это не стена. Это почва.

Кай подошёл к ней.

— И что из неё растёт?

Айла повернулась. В её глазах отражался фиолетовый свет чипа.

— Надежда.

Они замолчали. За окном, на горизонте, небо начало светлеть. Рассвет.

Кай достал нож. Посмотрел на гравировку: Лине. От папы. С любовью.

— Пойдём, — сказал он. — Пора сажать семена.

Айла кивнула.

И они вышли в рассвет.

ГЛАВА 2. ДНК-АРХИВЫ ПРЕДКОВ

Мёртвая зона, несколько дней спустя. Конец 2123 года.

Утро третьего дня

Они шли третий день.

Мёртвая зона растянулась до горизонта — чёрная пустыня, где когда-то шумел субтропический лес. Теперь здесь торчали лишь остовы деревьев, обугленные и покрытые налётом серой пыли. Солнце висело в небе, как тусклый жёлтый шар, затянутый смогом. Воздух пах жжёным сахаром — побочным эффектом разложения биопластика, которым корпорации когда-то удобряли эту землю.

Кай шёл первым. Его ботинки проваливались в песок, который не был песком вовсе — микроскопические осколки биостекла, продукт распада корпоративных теплиц. Ранец на спине давил на плечи, но он не чувствовал усталости. Только гул в ушах — тот самый, что преследовал его с тех пор, как вырвал чип. Гул, который он сначала принял за звон безумия. Теперь понимал — это был пульс. Пульс Гайи, едва живой, но упрямый.

Айла шла за ним, сканируя кристаллом каждую трещину в земле, каждый обломок. Её фиолетовый чип горел тускло — предупреждение о неэкологичном мышлении. Она давно перестала обращать внимание.

— Знаешь, что самое странное? — её голос прозвучал хрипло. Горло пересохло от пыли. — Бабушка писала, что раньше этот лес пел.

Кай обернулся. Солнце бликовало в её глазах, и на миг ему показалось, что он видит в них не Айлу, а кого-то древнее — женщину с седой косой до пояса, которая смотрела на этот же горизонт, но видела другое.

— Пел?

— Да. — Айла достала из кармана дневник Юмико. Страницы были потёртыми, буквы выцветшими, но она нашла нужную. — Когда ветер пробегал по дюнам, рождался звук, похожий на виолончель. Деревья резонировали с частотой Шумана. Люди приходили сюда слушать. Приходили семьями. Расстилали пледы. Дети засыпали под этот гул, как под колыбельную.

Она закрыла дневник. Провела пальцем по обложке — золотые буквы Юмико Вейл. 2075–2115 стёрлись почти до нуля.

— Теперь он скрипит, как нож по стеклу.

Кай молчал. Смотрел на горизонт, где мерцали руины какого-то города — скелеты небоскрёбов, покрытые чёрной плёнкой. Где-то там, в этих руинах, когда-то стоял его офис. Он подписывал контракты. Зарабатывал кредиты. Покупал

Лине пластиковые игрушки, потому что настоящих уже не существовало.

— Почему они это сделали? — наконец спросил он.

— NeuroSphere? — Айла пожала плечами. — Потому что лес нельзя контролировать. Он растёт, когда хочет. Где хочет. А мёртвая зона... — она пнула камень. Камень рассыпался в пыль. — Мёртвая зона предсказуема.

Они шли дальше. Тишина повисла между ними, тяжёлая, как свинец.

Айла смотрела под ноги. Под её ботинками хрустело биостекло, и каждый хруст напоминал ей о чём-то — о разбитых иллюзиях, о стёклах лабораторий, о глазах Лины, которые она видела только на голограммах.

Но всё пройдёт, — подумала она, и мысль эта прозвучала не как утешение, а как молитва. — Я верю, что светлая будет полоса. Стебли новые из пепла пробьются к небесам. Заблестит на солнце свежая роса...

Она не сказала этого вслух. Кай и так достаточно наслышан её цинизма. Пусть думает, что она — холодная хакерша с миссией. Пусть не видит, как она по ночам плачет в по-

душку, прижав к груди кристалл бабушки. Пусть не знает, что она тоже боится. Что каждое утро, просыпаясь, она проверяет — не исчезли ли золотые нити под её кожей. Не стала ли она ещё меньше человеком.

Но стебли пробьются. Она знала это. Как знала, что Лина где-то там — в резонансе Шумана, в частоте 7.83 Гц, в шёпоте корней.

Они шли дальше. Впереди, на горизонте, мерцали руины.

Руины библиотеки

К полудню они наткнулись на них.

Здание когда-то было библиотекой — это угадывалось по колоннам у входа, теперь покрытым чёрной плесенью. Крыша обрушилась, но подвал уцелел. Кай заглянул внутрь. Лестница вниз была завалена обломками, но проход остался.

— Здесь что-то есть.

Айла спустилась за ним. В воздухе пахло сыростью и старой бумагой — запах, которого она не чувствовала годами. На полках, чудом уцелевших, стояли книги — настоящие, бумажные, с золотыми буквами на корешках.

— Они не успели сжечь, — прошептала Айла, проводя пальцем по корешкам. — Или забыли.

Кай вытащил одну — толстый том в кожаном переплётё. На обложке было написано: Никола Тесла. Мои изобретения. Автобиография.

— Тесла? — он поднял бровь. — Тот самый, с переменным током?

Айла взяла книгу, открыла наугад. Её глаза заблестели. Она нашла страницу, которую искала — ту, что бабушка подчеркнула красным карандашом.

— Слушай. — Она начала читать вслух, и её голос дрогнул: — Эфир существует. Он пронизывает всё пространство. Земля — не просто планета. Это гигантский резонатор, настроенный на определённую частоту. Если мы научимся использовать эту частоту, мы получим бесплатную энергию для всего человечества. Но они не позволят. Они запатентуют страх.

Она подняла голову.

— Он знал. Сто лет назад знал.

Кай сел на пыльный пол. Пыль взметнулась вокруг него, как маленький призрак.

— И что случилось?

— Его называли сумасшедшим, — Айла закрыла книгу. — Его работы засекретили. Томас Эдисон — тот самый, что продвигал постоянный ток и убивал слонов публично, чтобы доказать опасность конкурентов — скупил его патенты. А потом... — она посмотрела на потолок, где сквозь трещины пробивался тусклый свет. — Потом появилась NeuroSphere. И свободная энергия стала платной.

Они молчали. Где-то наверху скрипнул обломок бетона.

— Бабушка цитировала его, — наконец сказала Айла. — В дневнике. Тесла слышал музыку Земли. Они заставили его замолчать. Но музыка осталась. Она в частоте Шумана. Она в кристаллах. Она в тебе, внучка, если ты осмелишься слушать.

Кай достал другую книгу — потрёпанную тетрадь с рисунками. На первой странице было написано: Леонардо да Винчи. Записи о воде и свете.

— Да Винчи? — он усмехнулся. — Художник?

— Универсал, — поправила Айла. Она открыла тетрадь. Внутри — рисунки: водовороты, корни деревьев, человеческое тело в разрезе. И заметки мелким почерком, на итальянском, с переводом бабушки на полях: Вода — кровь Земли. Она течёт по жилам, как кровь по венам. Если перерезать вену — истечёт жизнь. Человек — не венец творения. Человек — её переводчик.

Айла провела пальцем по рисунку корня дерева, переплетённого с человеческими венами.

— Он видел связь. Пятьсот лет назад.

Кай взял тетрадь.

— Почему они не уничтожили это?

— Потому что думали, что это просто искусство, — Айла встала. — Фантазии гения. Не наука.

Она посмотрела на Кая.

— Но фантазии — это память. А память нельзя стереть. Можно только закопать глубже.

Она наклонилась, подняла с пола ещё одну книгу — тонкую, в бархатной обложке. На корешке — Джованни Баттиста Пиранези. Темницы. Гравюры 1745–1761.

— Пиранези? — Кай взял книгу. Открыл. И замер.

На странице — гигантская тюрьма. Бесконечные лестницы, мосты, арки — всё переплетено, всё замкнуто. Люди карабкаются, но не могут найти выход. Механизмы, цепи, колёса — всё работает, но никуда не ведёт.

— Бабушка писала, что это не фантазия, — Айла села рядом с ним. — Это метафора. Он видел систему. За сто лет до того, как она стала реальной.

Кай смотрел на гравюру. И вдруг понял — он смотрит на неё не впервые. Он видел её в офисе. На стене. В рамке. Хозяин кабинета, его бывший босс, повесил её как декор. Кай тогда подумал: Станный вкус. Мрачно.

Теперь он понимал. Это не декор. Это портрет. Портрет мира, в котором он жил.

— Мы в этой тюрьме? — спросил он.

— Мы были, — Айла закрыла книгу. — Но тюрьма — это не стены. Это страх. А страх можно взломать.

Айла наклонилась, подняла с пола ещё одну книгу — тонкую, с фотографией на обложке: женщина в лесу, прижавшая ладонь к стволу дуба. На корешке — Сюзанна Симард. Как деревья разговаривают.

— Симард? — Кай взял книгу. — Кто это?

— Канадский эколог, конец двадцатого века, — Айла открыла страницу, подчёркнутую красным карандашом Юми-ко. — Она доказала то, что лесники считали сказкой: деревья разговаривают.

— Разговаривают? — Кай поднял бровь.

— Через грибные сети, — Айла начала читать вслух, и её голос дрогнул, как струна. — Под землёй, в каждом лесу, есть мицелиальная сеть — тонкие нити грибов, соединяющие корни деревьев. Через них деревья обмениваются питательными веществами, предупреждениями об опасности, даже... памятью.

Она подняла голову. В её глазах отражался тусклый свет подвала.

— Когда одно дерево болеет, другие посылают ему сахар через корни. Когда нападают насекомые, здоровые деревья предупреждают соседей через мицелий. Лес — это не набор деревьев. Это... организм.

Кай посмотрел на пол, где в трещинах бетона пробивался одуванчик.

— Как мы, — прошептал он. — Через кристаллы.

— Именно, — Айла закрыла книгу. — Симард называла это Wood Wide Web — лесной интернет. А бабушка... — она провела пальцем по обложке, — ...бабушка называла это нервной системой Гайи. NeuroSphere рубила леса не потому, что нужна была древесина. Они рубили, чтобы разорвать эти связи. Чтобы мы забыли, как разговаривать.

Кай молчал. Смотрел на одуванчик. Потом присел, прижал ладонь к земле. Под пальцами он почувствовал — едва уловимый, но настоящий — пульс. Как будто где-то далеко, под бетоном и пеплом, деревья всё ещё шептались.

Они сидели у входа в библиотеку, окружённые книгами, как древними артефактами. Кай держал в руках тетрадь да Винчи, Айла — дневник Юмико.

Она открыла его наугад. Прочитала страницу. И вдруг захлопнула.

— Знаешь, что меня бесит? — её голос прозвучал резко, как треснувшее стекло.

Кай поднял голову.

— Что?

— Бабушка, — Айла сжала дневник так, что пальцы побелели. — Почему она не могла просто жить? Почему она должна была стать террористкой? Почему она оставила меня одну?

Кай молчал. Он не знал, что сказать.

— Мне было двенадцать, — Айла посмотрела на него, и в её глазах стояли слёзы, но она не плакала. — Двенадцать лет, Кай. Я осталась одна. Без родителей. Без бабушки. Только с её дневником и кристаллом.

Она провела пальцем по обложке.

— Знаешь, что я думала? Я думала: «Почему она не могла просто быть бабушкой? Почему она должна была спасать

мир? Почему я не могла иметь нормальную семью, где бабушка печёт пироги, а не пишет трактаты о симфонии Земли?»

Кай положил руку ей на плечо.

— Айла...

— Нет, — она отстранилась. — Я понимаю, что она была права. Я понимаю, что она спасла... что-то. Но почему ценой меня? Почему она не могла выбрать меня?

Она закрыла глаза. В темноте вспыхнули голограммы:

Юмико, сидящая за столом, пишущая. Маленькая Айла стоит в doorway, смотрит на неё.

— Бабушка, пойдёшь со мной играть, — говорит маленькая Айла.

— Не сейчас, внучка, — отвечает Юмико, не поднимая головы. — Я работаю. Это важно.

— Но я хочу, чтобы ты была со мной, — голос маленькой Айлы дрожит.

— Потом, — Юмико машет рукой. — Потом.

И потом не наступило. Потому что через год Юмико арестовали. А через два — убили.

Айла открыла глаза. Слезы скатились по её щекам, но она не плакала. Она просто... вспоминала.

— Я злюсь на неё, — прошептала она. — Я злюсь, что она выбрала мир, а не меня. Но... — она провела пальцем по дневнику, — ...я также горжусь ею. Потому что она была права. И теперь я понимаю это.

Кай молчал. Потом сказал тихо:

— Может, она и выбрала мир. Но она также выбрала тебя. Потому что передала тебе всё. Дневник. Кристалл. Знание. Ты — её продолжение.

Айла посмотрела на него. Впервые за вечер — без цинизма. Без холода. Просто... человек.

— Спасибо, — прошептала она. — Мне нужно было это услышать.

Научное объяснение

Они сидели у входа в библиотеку, окружённые книгами, как древними артефактами. Кай держал в руках тетрадь да Винчи, Айла — дневник Юмико. Между ними лежал кристалл, пульсирующий мягким синим светом.

— Знаешь, почему Лина видела то, чего не видели другие? — Айла провела пальцем по странице дневника. — Не потому что она была особенной. А потому что она родилась без чипа. Без подавителя.

— Подавителя чего?

— ДНК-архивов. — Айла подняла голову. В её глазах горел тот самый огонь, что Кай видел в зеркале каждое утро. — Бабушка писала: каждый человек рождается с доступом к энергетическим библиотекам предков. Это не метафора. Это физика. В нашей ДНК записана память миллионов лет эволюции. Память о том, как деревья общаются через мицелий. Как камни хранят вибрации Земли. Как вода несёт информацию.

Кай сжал тетрадь.

— И чипы...

— Чипы блокируют этот доступ, — Айла кивнула. —

NeuroSphere добавляет в воду фтор — он кальцифицирует шишковидную железу. Знаешь, что это?

— Нет.

— Это наша антенна. Третье око. Через неё мы подключаемся к частоте Шумана — 7.83 Гц. Это резонанс Земли. Когда шишковидная железа работает, ты слышишь пульс планеты. Чувствуешь магнитные поля. Видишь ауры растений. Лина родилась с нетронутой шишковидной железой. Она слышала Землю так же ясно, как мы слышим друг друга.

Кай закрыл глаза. В памяти всплыло лицо Лины — смеющееся, с растрёпанными волосами. Папа, дуб плачет. Он тогда подумал: фантазии. А она... она слышала. По-настоящему.

— А электромагнитный смогу? — он открыл глаза. — Ты говорила, он разрывает связь.

— Да, — Айла достала из рюкзака осколок кристалла. Свет в нём пульсировал в такт её словам. — 5G, Wi-Fi, атомные станции — всё это создаёт электромагнитное поле, которое заглушает частоту Шумана. Как будто кто-то кричит тебе в ухо, когда ты пытаешься услышать шёпот. NeuroSphere окружила нас шумом, чтобы мы не слышали Землю. Чтобы

забыли, кто мы.

— И кто мы?

— Мы — не владельцы планеты, — Айла посмотрела на него. В её глазах отражался свет кристалла. — Мы — её органы. Как печень фильтрует яды, как лёгкие дышат воздухом, как сердце качает кровь — мы должны фильтровать страх, дышать правдой, качать надежду. Но мы забыли. Мы стали паразитами. А паразитов... — она запнулась.

— Убивают, — закончил Кай.

— Или лечат, — Айла улыбнулась. Впервые за три дня.
— Зависит от того, что выберем мы.

Ночь у костра

Они разбили лагерь в руинах какого-то дома. Стены ещё стояли, крыша обрушилась, но угол был сухим. Кай собрал хворост — сухие ветки, покрытые чёрной пылью, но горевшие с треском.

Айла сидела у огня, листая дневник бабушки. Кристалл на её груди светился тускло, в такт пламени.

Они ели — сухой паёк, который Кай унёс из Банка Памяти. Белковые брикеты, безвкусные, как картон. Айла размочила один в воде, добавила щепотку соли — последней, что у них была.

— Знаешь, что я больше всего ненавижу в этой еде? — она жевала медленно. — Не вкус. А то, что её сделали из насекомых. NeuroSphere перерабатывает тараканов в протеин. А мы едим. И называем это прогрессом.

Кай усмехнулся.

— Раньше я ел стейки. За пятьсот кредитов. Из коровы, которую растили в фабрике, без солнца, без травы. Только гормоны и электричество.

— И что было лучше?

— Ничего. Просто дороже.

Они замолчали. Огонь трещал, бросая тени на стены.

— Знаешь, что ещё бабушка писала о Гёте? — Айла не подняла головы.

— Гёте? Поэт?

— Не только. Он был естествоиспытателем. Изучал растения, цвета, свет. Понимал, что всё связано. Что лист — это не просто лист. Это язык, на котором Земля говорит с солнцем.

Она помолчала, глядя, как искра взлетает к небу и гаснет.

— NeuroSphere превратила нас в винтики. А мы... мы снова становимся клетками. Органами планеты. И это пугает. Потому что клетка может умереть. А винтик — нет. Винтик просто... заменяют.

Кай положил руку ей на плечо. Его пальцы, покрытые корой, были тёплыми.

— Тогда пусть мы умрём как клетки, — он посмотрел на неё. — Но живыми.

— Лина рисовала похожее, — наконец сказал Кай. — Дерево с глазами. Она говорила, что оно видит всё. Что оно помнит.

Айла подняла голову.

— Она была права.

— Откуда ты знаешь?

— Потому что я чувствую. — Айла прижала ладонь к груди, где пульсировал кристалл. — Земля помнит. Каждое дерево, каждый камень. Каждого ребёнка, которого они убили.

Кай отвернулся. Смотрел на огонь, но видел лицо Лины — смеющееся, с растрёпанными волосами, бегущее по полю.

— Я не верил ей, — его голос сорвался. — Она говорила, что дубы плачут. Что камни поют. А я... я записал её к психологу.

Айла не ответила. Просто протянула ему чашку с водой — холодной, с привкусом металла. Они делили её пополам, как делили всё — хлеб, страх, надежду.

— Ты не виноват, — наконец сказала она. — Они научили нас не верить. Даже своим детям.

Утро в пепле

На рассвете они продолжили путь.

Кай шёл молча, погружённый в мысли. Его рука, та, что

сжимала нож, дрожала — не от слабости, а от чего-то другого. Он посмотрел на пальцы и замер.

Под кожей, на запястье, проступала зелёная прожилка. Тонкая, как нить, но яркая. Она пульсировала в такт его сердцу.

— Айла... — он поднял руку.

Она обернулась. Увидела. Её глаза расширились.

— Мутация, — её голос был глухим. — Кристалл реагирует на тебя.

— Что это значит?

— Что ты становишься... проводником. — Она подошла ближе, осмотрела его руку. Её пальцы дрожали. — Как я. Как бабушка.

Кай сжал кулак.

— Я не хочу быть проводником. Я хочу быть отцом.

Айла молчала. Потом достала из рюкзака бинт — старый, грязный, но чистый.

— Обмотай. Чтобы не видели.

Он обмотал руку. Зелёная прожилка скрылась под тканью, но он чувствовал её — тёплую, пульсирующую, живую.

— Это не конец, — сказала Айла. — Это начало.

— Чего?

— Того, кем ты станешь.

Они шли дальше. Впереди, на горизонте, мерцала Гора Звезды — двойная вершина, увенчанная кристаллами.

Находка в песке

К полудню Кай остановился.

В песке, наполовину погребённая, лежала пластиковая лошадка. Её грива когда-то была розовой, но теперь выцвела до грязно-серого. Голова отломана.

Он присел, поднял игрушку.

— Лина обожала лошадей, — его голос дрогнул. — В её

комнате висел постер с табуном, скачущим по прерии. Она спрашивала: Папа, а когда мы увидим настоящих?

Айла подошла, посмотрела на лошадку.

— А ты что ответил?

— Врал, — Кай сжал игрушку так, что треснул пластик.
— Скоро, малыш. Теперь скоро наступило. Вот они, настоящие лошади — мёртвый пластик в мёртвой земле.

Он швырнул лошадку в песок.

— Какой я был слепой. Покупал ей игрушки вместо того, чтобы сбежать из города тогда, когда ещё можно было.

Айла не ответила. Просто положила руку ему на плечо.

Они шли дальше. В голове Кая крутились мысли — о Лине, о том, что он не успел, о том, что никогда не успеет.

Внезапно он остановился.

— Подожди.

Он присел, начал разгребать песок. Под ним — чёрный

корень, обугленный, но пульсирующий едва слышным ритмом.

— Айла...

Она подошла, приложила кристалл к корню. Синий свет проник в трещины, и на миг кора ожила — зазеленела, выпустив побег с единственным листом.

Кай коснулся его дрожащей рукой. Лист рассыпался в прах, но в воздухе остался запах — дождь на сосновой хвое. Запах, которого не должно было быть в мёртвой зоне.

— Видишь? — Айла поймала пепел в ладонь. — Они убили лес, но не его тень. Память земли сильнее их чипов.

Кай поднёс горсть пепла к лицу, вдыхая остатки жизни. В его ушах зазвучал голос Лины: Папа, они плачут под землёй. Надо помочь им дышать!

— Как мы... — он выпрямился, впервые за годы чувствуя не ярость, а нечто похожее на надежду.

— Если не сдаёмся, — закончила Айла.

Цитата Юмико

Айла шла за Каем, проваливаясь в песок из биостекла. Каждый шаг хрустел, как битое стекло — как битые жизни, как битые обещания. Её чип горел фиолетовым, предупреждая о неэкологичном мышлении. Она давно перестала обращать внимание.

В кармане она нащупала дневник бабушки. Потёртая обложка, золотые буквы, стёртые почти до нуля. Она не открывала его уже два дня — боялась, что страницы рассыплются, как всё остальное в этой мёртвой зоне.

Но сейчас, когда вокруг не было ничего, кроме пепла и тишины, она достала его. Раскрыла на закладке — странице, исписанной мелким, дрожащим почерком. Юмико писала это в последние дни, когда лабораторию уже окружили дроны. Когда она знала, что не доживёт до рассвета.

Айла прочитала вслух, и её голос дрогнул, как струна, которую вот-вот порвут:

— Но я верю в то, что светлая будет полоса. В этой тьме, что беспросветна, как снег на полюсах...

Она подняла голову. Вокруг — чёрная пустыня до горизонта. Ни одного живого стебля. Ни одного звука, кроме хру-

ста биостекла под ногами.

— Стебли новые из пепла пробьются к небесам. На листе в лучах рассветных заблестит роса...

Айла закрыла дневник, прижав его к груди. Кристалл на её шее пульсировал в такт словам — тихо, упрямо, как сердце, которое отказывается останавливаться.

Кай обернулся. Его лицо было серым от пыли, глаза — красными от бессонницы.

— Во что ты веришь? — его голос прозвучал глухо. — Посмотри вокруг. Здесь ничего не пробьётся. Здесь даже пепел мёртвый.

Айла посмотрела на него. Потом — на трещину в земле у его ног. В трещине, едва заметный, пульсировал корень. Чёрный, обугленный, но живой.

— Бабушка писала это, когда знала, что умрёт, — сказала она. — Она видела эту мёртвую зону. Видела, как NeuroSphere сжигает леса. Как убивают детей, которые слышат Землю. И всё равно верила.

— И что? — Кай пнул камень. Камень рассыпался в пыль.

— Вера не вернула ей жизнь.

— Нет, — Айла присела, приложила ладонь к трещине. Под пальцами она почувствовала пульс — слабый, но настоящий. — Но она вернула мне. И тебе. И каждому, кто идёт по этому пеплу и не сдаётся.

Она подняла голову. На горизонте, сквозь дымку смога, пробивался луч — тонкий, золотой, как нить кристалла.

— Светлая полоса будет, Кай. Не потому что я так решила. А потому что стебли уже пробиваются. Ты просто ещё не смотришь под ноги.

Кай молчал. Смотрел на трещину. На корень. На луч света, который становился всё ярче.

Потом он присел рядом с ней. Его рука, покрытая корой, коснулась земли. И под его пальцами, из пепла, пробился росток — тонкий, зелёный, дрожащий.

— Роса, — прошептал он. — На листве. В лучах рассветных.

Айла улыбнулась. Впервые за три дня.

— Видишь? — она сжала его руку. — Бабушка была права.

Гора Звезды

К вечеру второго дня они достигли подножия Горы Звезды.

Вблизи она оказалась чудовищным симбиозом техники и геологии — гигантская инфицированная рана. Стальные пластины, покрытые ржавчиной и биологической слизью, образовывали панцирь. На вершине, вместо антенн, торчали кристаллы-столбы, впитывающие энергию молний. У подножия — вход, обрамлённый рёбрами титанового скелета какого-то древнего механизма.

— Похоже на алтарь, — прошептала Айла. — Но кому они молятся? Своей извращённой идее прогресса? Или сами стали богами, которым не нужны молящиеся — только батарейки?

Кай достал из рюкзака ЭМИ-гранату Зои — устройство, напоминающее стеклянный шар с паутиной золотых нитей внутри.

— План?

— Умри или убей, — он проверил детонатор.

— А людей? Внутри?

— Они не люди. Посмотри.

Из ворот вышли двое существ. Их тела были лишены симметрии — левая сторона человеческая (кожа серая, с сосудистой сеткой как у трупа), правая — механическая (титановые пластины с гравировкой NeuroSphere. Версия 2.14). Глаза — камеры с красно-синей подсветкой. Но самое жуткое — рты. Человеческие губы срослись с металлической панелью, из которой торчали тонкие иглы-динамики.

— Киборги, — Айла сглотнула. — Они даже не догадываются, что их...

— Внимание! — голос из динамиков заставил их пригнуться. — Зона заражена бунтарями. Активирован протокол Очистка.

Кай выхватил гранату.

— Беги! — он толкнул Айлу к скале. — Я прикрою!

— Нет! — она схватила его за руку. — Вместе!

Он посмотрел на неё. В её глазах — не страх, а ярость. Та самая, что горела в нём.

— Хорошо, — он кивнул. — Вместе.

Кай швырнул гранату. Импульс разорвал воздух зелёными спиралями. Киборги рухнули, корчась в конвульсиях — их механические лапы ломались, биогель вытекал на землю чёрными пузырями.

— Паутина без паука, — Айла пнула один корпус. — Но даже паутина может стать нитью для новых коконов.

Они шагнули внутрь.

Впереди — темнота. И гул, похожий на крик.

ГЛАВА 3. ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ ГЕРИЛЬЯ

Гора Звезды и мегаполис, начало 2124 года.

Коммуна Рассвет

Подвал коммуны Рассвет напоминал логово древнего ду-

ха техники, заключённого в клетку из корней. Стены, опутанные мицелием, пульсировали мягким синим свечением — гибрид грибницы и биолюминесцентных проводников, созданных Зоей. По потолку струились кабели, переплетённые с лианами, а в углу, словно алтарь, стоял спутниковый терминал. Его экран мигал кодами доступа, словно звал на тайную мессу кибернетических богов.

Воздух пах сыростью и чем-то ещё — запахом, который Айла не могла назвать, но который напоминал ей о детстве. О том, как бабушка варила чай из шиповника, и весь дом наполнялся ароматом, который был одновременно сладким и горьким, как сама жизнь.

Зоя склонилась над панелью управления, её биопротез — рука, сплетённая из мицелия и карбоновых нитей — дрожал от перенапряжения. Каждый раз, когда она вводила команду, грибница на протезе выпускала споры, которые оседали на клавиатуре и прорастали микроскопическими цветами.

— Ещё немного... — она вонзила кристалл в порт, и терминал взвыл, как зверь, почуявший свободу. — Привязываю частоту Шумана к их спутникам. Пусть услышат, как Гайя стонет в их наушниках.

Кай сидел в углу, где ржавые трубы сливались с корнями

дуба. Его пальцы, покрытые корой, ловко вставляли титановую струну в арбалет, который он собирал из обломков. Когда он потянулся за болтом, рукав закатился, обнажив предплечье. Зелёные прожилки под кожей пульсировали, повторяя ритм водопада, которого никто здесь не видел десятилетиями.

— Что, если они услышат не то, что хотят? — он не поднял глаз, проверяя натяжение. — Страх — плохой советчик. Может, вместо пробуждения, они...

— Сожгут леса? — Зоя резко обернулась, и её биопротез, перегреваясь, выпустил облако спор. — Мы уже в огне, Кай. Твоя дочь...

— Не смей! — он вскочил, и кора на его руках треснула, обнажив старые шрамы от чипов. В воздухе запахло смолой и железом. — Не смей использовать её имя, чтобы оправдать свою ярость.

Зоя замерла, изучая его руку. В свете грибницы прожилки казались картой подземных рек, дорогой к чему-то древнему.

— Мутация, — прошептала она. — Ты как те ясени, что ломают тротуары. Не остановить корнями, не убить выруб-

кой. — Она приблизилась, и её голос смягчился. — Но дерево, даже стальное, всё равно тянется к солнцу. Спроси себя: к чему тянешься ты?

Кай отвернулся к стене, где среди проводов висела потёртая фотография Лины. Девочка смеялась на фоне мёртвого дуба, её пальцы касались коры, покрытой голограммами NeuroSphere.

— Она видела то, чего я не... — он начал, но голос сорвался. — Я называл это фантазиями. А она... она видела правду. И умерла за неё.

Он сжал кулак, и кора на его пальцах треснула, выпустив каплю сока — прозрачного, как слеза.

— Я не хочу, чтобы её смерть была оправданием для войны, — он повернулся к Зое. — Я хочу, чтобы она была началом мира.

Зоя молчала. Потом подошла, положила руку ему на плечо. Протез был тёплым, живым — как будто под металлом билось сердце.

— Тогда помоги мне его построить, — она посмотрела на терминал, где карта города пульсировала золотом. — Не

войной. А семенами.

Корни под кожей

Айла присела рядом с Каем, её кристалл светился тёплым золотом.

— Знаешь, кто такая Барбара Мак-Клинтон? — она провела пальцем по его прожилкам, и те вспыхнули ярче.

— Нет, — Кай не отрывал взгляда от своей руки. — Кто-то из твоих героев?

— Нобелевский лауреат, — Айла усмехнулась. — Американский генетик, середина двадцатого века. Она открыла прыгающие гены — участки ДНК, которые могут перемещаться внутри хромосом. Менять себя под воздействием среды.

— И что?

— А то, — Айла посмотрела ему в глаза, — что её назвали сумасшедшей. Сорок лет её работы игнорировали. Говорили, что гены стабильны. Что ДНК — это застывший код. А она доказала: гены живые. Они слушают. Они отвечают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.